ЕЛЕНА ЛАДИНА

МАМА ПО СРЕДАМ

Елена Ладина

Мама по средам

«Автор»
2026

Ладина Е.

Мама по средам / Е. Ладина — «Автор», 2026

По средам Ася забирает Мишу после школы. В восемь вечера она должна вернуть его отцу. Между этими часами нужно успеть поужинать, поговорить, побыть рядом — и снова собрать сыну сумку.Павел уверен, что выиграл. Сын живёт с ним, суд на его стороне, а бывшая жена устала спорить. Осталось выкупить её долю в общем деле и вычесть из цены «юридические расходы».Ася неожиданно соглашается обсуждать деньги. Она умеет считать и замечает в расчётах мужа то, чему он не придал значения. Теперь ей нужны документы, терпение и возможность убедить Павла, что она почти сдалась.Но у этой хитрости есть цена. Однажды Миша спрашивает: «Ты меня продала?»Пока Павел ждёт её подписи, Асе нужно сохранить доверие сына — и найти доказательства, которые помогут вернуть его домой.

© Ладина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. После заседания 5
Глава 1. Запасные ключи 5
Глава 2. До воскресенья 10
Глава 3. Восемь месяцев 15
Глава 4. Наше место 20
Глава 5. Рабочий день 25
Глава 6. Только расчёт 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Елена Ладина
Мама по средам

Часть I. После заседания

Глава 1. Запасные ключи

Из мешка со сменной обувью торчал шнурок. Я заправила его внутрь, затянула тесёмки и снова положила мешок на колени. На чёрной ткани белела надпись «Корнеев М.», которую я сделала корректором ещё в первом классе. Сейчас Миша учился в третьем, ноги у него выросли на два размера, а мешок остался прежний.

— Это надо убрать, — сказала Ольга Вадимовна.

Я посмотрела на неё.

— Когда зайдём. В зале лучше оставить руки свободными.

Я сунула сменку в сумку поверх папки с документами. Кроссовок упёрся в угол, молния не сошлась. Пришлось вынуть бутылку воды.

Напротив нас Павел разговаривал с человеком в сером пиджаке. Я видела его здесь уже во второй раз, но фамилии не знала. На представителя Павла он не походил: Платонов стоял у окна, прижав к уху телефон, а этот держался рядом с мужем, не открывал папки и никуда не торопился.

Бывшим мужем. Развод нам оформили ещё в мае, а слово я до сих пор поправляла про себя.

Павел заметил, что я смотрю, кивнул своему собеседнику и подошёл.

— Зачем ты это привезла?

Он указал на мешок.

— Миша оставил в воскресенье. Вчера просил передать.

— Могла завезти домой.

— На Береговую?

— У нас что, много домов?

Ольга Вадимовна закрыла блокнот. Павел перевёл взгляд на неё и чуть отступил, будто только теперь вспомнил, что разговаривает при постороннем человеке.

— Я могу забрать, — сказал он. — Не надо потом ехать через весь город.

— У него сегодня моделирование. Я договаривалась, что передам там.

— Как хочешь.

Он вернулся к мужчине в сером. Тот что-то спросил, Павел покачал головой. До меня донеслось только:

— Да, Роман Игоревич, после созвонимся.

В бутылке под моей ладонью хрустнул пластик. Я ослабила пальцы и поставила её на пол.

Из зала вышла секретарь.

Пока мы поднимались, Ольга Вадимовна коснулась моего локтя.

— Сначала выслушаем. Потом обсудим.

Я кивнула. Мы уже обсуждали, что делать при любом решении. У меня даже были записаны вопросы на последней странице блокнота, между списком приложений и номером школьного гардеробщика. Но сейчас я помнила только, что утром не выключила свет в Мишиной комнате. Зашла проверить, открыта ли форточка, и оставила.

Мельникова вернулась быстро. Я успела положить сумку у стула, но сесть уже не успела.

Она читала, опустив глаза в листы. Когда прозвучало «определить место жительства несовершеннолетнего Корнеева Михаила Павловича с отцом», я посмотрела на Павла. Он стоял вполоборота ко мне и поправлял манжету. Пуговица держалась на одной нитке. Я заметила это ещё весной, когда складывала его рубашки отдельно от своих вещей.

Дальше были порядок и срок обжалования. Я слышала слова, но не могла удержать их в голове. Ольга Вадимовна что-то записала, не глядя на меня.

В коридоре Павел сразу протянул руку Платонову.

— Спасибо. По остальному я вам наберу.

Мне хотелось сказать, что «остальное» — это и есть вся наша жизнь. Что у Миши дома на Садовой лежит недоклеенный мост, а в морозилке пельмени, которые он лепил с Верой и пометил вилкой, чтобы отличать от моих. Вместо этого я спросила у Ольги Вадимовны:

— Сегодня он уже не сможет ко мне?

— Сегодняшнее решение ещё не вступило в силу, Анастасия Ильинична. И оно не лишает вас права общаться с сыном. Но фактически Павел и до него удерживал ребёнка у себя. Нам придётся заниматься и обжалованием, и порядком встреч.

— Я понимаю.

— Сейчас вам не обязательно всё понимать. Позвоните вечером. Полный текст получим, прочтём, подготовим жалобу.

Она сняла очки и аккуратно сложила дужки.

— Только, пожалуйста, не пытайтесь сегодня решить всё разговором с ним.

Павел как раз подошёл к нам.

— Можно на минуту?

— Если Анастасия Ильинична хочет с вами разговаривать, — ответила Ольга Вадимовна.

Он подождал моего кивка. При ней он умел ждать.

Мы отошли к лестнице. На подоконнике лежали чьи-то перчатки, хотя на улице ещё было тепло. Я переставила сумку на другое плечо, и мешок со сменкой выскользнул наружу. Павел поймал его за тесёмку.

— Отдай.

— Господи, Настя, я же не отнимаю.

Он вложил мешок мне в руку.

— Не надо делать из этого войну. У Миши нормальные условия. Школа рядом, мама помогает, я дома каждый вечер.

По вторникам он возвращался после одиннадцати. Я знала это не от сына: Павел сам объяснял, почему не может привезти его раньше. Сейчас спорить о вторниках было бессмысленно.

— Я заберу его в субботу в десять.

— Посмотрим, какие у нас планы.

— Мы договаривались.

Павел вздохнул и посмотрел через моё плечо на Ольгу Вадимовну.

— Ты можешь видеть его каждый день. Комната никуда не делась. Ключи у тебя есть.

Замок он поменял в июне, когда вернулся с Мишей с моря. Я приехала в условленное время, поднялась на наш этаж и минут пять пыталась вставить старый ключ. Тогда он говорил, что механизм заедал и мастер посоветовал заменить.

— У меня нет ключей от твоей квартиры.

— Сделаем. Это вообще не проблема. Вернёшься, спокойно поживём, без выяснений. Мише сейчас нужна семья.

— Я не вернусь.

Он убрал руки в карманы.

— Тогда не говори, что я тебе мешаю.

Я видела, как он ждёт продолжения. Дома я на этом месте начинала объяснять: почему ушла, почему нельзя проверять мой телефон, почему деньги на зимние сапоги не надо согласовывать так, будто я прошу их на чужого ребёнка. Он всегда находил, с какой частью объяснения поспорить, и к концу разговора мы уже обсуждали мой голос.

Я подняла мешок со сменкой.

— Передам после кружка. В субботу в десять я приеду.

Павел пожал плечами и пошёл вниз. Мужчина в сером ждал его у входа.

До окончания кружка оставалось больше двух часов. Домой я не поехала. Села в маленькой пекарне через дорогу от суда, купила чай и булочку с сыром, потому что так было дешевле, чем чай отдельно. Булочку завернула в салфетку. На экране телефона одно за другим появлялись сообщения от Веры.

«Ну что?»

«Ася».

«Ты можешь хоть точку поставить?»

Я написала: «С Павлом. Ребёнок с Павлом. Я потом позвоню».

Она позвонила сразу.

— Где ты?

— В центре. Жду Мишу.

— Он с тобой будет?

— Нет. Мне надо обувь передать.

Вера ненадолго замолчала.

— Ты ела?

Я посмотрела на булочку.

— Да.

— Что?

— Вер, я сейчас не могу.

— Ладно. Я до семи на смене. Потом приеду. И телефон не выключай.

Чай успел покрыться плёнкой. Я отодвинула его и открыла переписку с Павлом. Вчера вечером он прислал длинный текст, который я прочитала только до середины. Внизу стояло: «Не трать деньги на продолжение. Всё равно будет так».

Тогда я решила, что он опять пугает. Он умел писать такие сообщения в те часы, когда позвонить кому-нибудь уже неловко, а оставаться с ними одной — трудно. Я сохранила переписку, как просила Ольга Вадимовна, но перечитывать сейчас не стала. Положила телефон экраном вниз и наконец откусила булочку. Сыр успел застыть и потянул за собой половину начинки.

У школьного корпуса я была на двадцать минут раньше. Моделирование проходило в пристройке с отдельным входом. Из открытой форточки пахло клеем и мокрыми куртками: младшие группы перед нами попали под короткий дождь.

Павел подъехал, когда дети уже начали выходить. Он поставил машину у самого бордюра, хотя там висел знак, и остался сидеть за рулём.

Миша увидел меня первым.

— Мам, у тебя моя сменка?

— Да. Ты же просил.

— А я папе сказал, он сказал, что купим новую.

— В этой ещё можно ходить.

— Я знаю. Там стелька нормальная.

Он взял мешок и попытался пристегнуть к рюкзаку. Карабин не закрывался: между зубцами застрял кусок синей нитки. Я протянула руку, но Миша отвернулся боком.

— Сейчас. Сам.

На куртке у него не было верхней пуговицы. Ещё в воскресенье она болталась, я хотела пришить и забыла, потому что Павел приехал на сорок минут раньше. Миша наклонился, и из кармана на асфальт выпал синий трамвай.

Я подняла его. Маленькое зеркало с правой стороны давно отломилось, внутри под мутным пластиком сидел водитель без лица.

— Опять с собой?

— Мы с Тимуром маршрут делали. Только он автобус принёс, а у него масштаб другой.

Миша забрал модель, подул на колёса и сунул обратно в карман. Потом посмотрел на меня внимательнее.

— Вы уже сходили?

Я поправила ему воротник. Он терпел, хотя обычно сразу говорил, что не маленький.

— Да.

— И что?

За его спиной Павел открыл окно машины.

— Миш, поехали. Бабушка ждёт с обедом.

— Сейчас, — ответил Миша, не оборачиваясь. — Мам, я к тебе?

Я могла сказать «пока нет», и он спросил бы, до какого дня. За последние три месяца это был самый частый наш вопрос. До воскресенья, до папиной поездки, до конца каникул, до суда. Мы всё время называли даты, а потом придумывали новые.

— Сегодня поедешь к папе. В субботу я приеду за тобой.

— Ты говорила, после суда будет понятно.

— Говорила.

Он опустил глаза на мешок. Я помнила наш разговор. Сама налила ему чай в кружку с лисой, сама сказала, что осталось немножко подождать. Мне хотелось успокоить его, а больше сказать было нечего.

— Я поторопилась тебе это обещать, Миш. Прости.

— А теперь сколько?

— Я ещё не знаю.

Павел вышел из машины. Подошёл к нам и положил руку сыну на плечо.

— Давай. Маме тоже надо по делам.

Миша прижался ко мне лбом, быстро, как будто мы встретились утром у гардероба, а не стояли посреди тротуара после самого важного для меня дня. Я успела поцеловать его в висок. Волосы пахли школьным мылом и чем-то сладким.

— Ты опять ручку грыз? — спросила я.

У него на большом пальце было синее пятно.

— Она сама потекла.

— Положи её отдельно, а то весь пенал испачкает.

Он кивнул. Павел забрал у него рюкзак. Через минуту они уехали, а я осталась с маленьким кусочком синей нитки, который вытащила из карабина. Пришлось искать урну.

Дома свет в Мишиной комнате всё ещё горел. Я щёлкнула выключателем и сразу пожалела: в коридоре стало темно, пришлось снова включить.

На столе лежал мост из деревянных палочек. Одна опора стояла криво. В воскресенье Миша торопился закончить до приезда отца и попросил меня подержать, пока схватится клей. Мы держали по очереди, смотрели на часы и в результате всё равно отпустили рано.

Я сняла пальто, повесила рядом с его толстовкой. У двери на крючке висел новый ключ с зелёной пластиковой меткой. Я сделала его на прошлой неделе: решила, что в девять лет уже можно иметь свой. До школы от моего дома было четыре остановки, но Миша давно знал дорогу и любил проверять, успеваем ли мы на пересадку.

Вера приехала с пакетом из магазина. Не стала спрашивать, можно ли обнять. Поставила пакет на пол, обняла меня вместе с сумкой, которую я всё ещё держала в руках, и подождала.

— Я чай сделаю, — сказала я ей в шею.

— Сделаешь. Где у тебя картошка?

— Под мойкой.

— Сырая?

Я отодвинулась и посмотрела на неё.

— Нет, Вер, я варёную под мойкой храню.

Она коротко улыбнулась, провела ладонью по моим волосам и пошла на кухню.

Пока Вера чистила картошку, я рассказывала. Сначала про решение, потом про Павлово предложение вернуться, потом про Мишу. На словах «а теперь сколько» голос пропал. Я налила воды, но не выпила.

Вера положила нож.

— Хочешь, я завтра с тобой съезжу к адвокату?

— У тебя смена.

— После обеда свободна.

— Я сначала позвоню. Она сказала вечером.

Вера подвинула ко мне разделочную доску.

— Тогда порежь лук. Только нож возьми другой, этот тупой.

Я чистила луковицу над пакетом. Сухая шелуха цеплялась за пальцы, слезились глаза, и впервые за день можно было не думать, заметно ли это со стороны.

Мы поели за маленьким столом. Вера рассказала, как у них на смене два часа искали мастера, который оставил телефон в машине и пошёл устранять протечку в соседний двор. Я слушала и кивала. Обычный рассказ, в котором человек в конце нашёлся, трубу перекрыли, а мокрую куртку повесили сушиться.

Когда она собралась, я достала из ящика второй запасной ключ. Без зелёной метки, простой, на стальном кольце.

— Возьми. Вдруг я трубку не услышу.

Вера повертела его в пальцах.

— Ты меня сейчас пугаешь.

— Не надо. Я просто могу уснуть. Или в душе быть.

— Ася.

— Я буду брать трубку.

Она кивнула и положила ключ в отдельный карман сумки. Когда дверь за ней закрылась, я ещё немного постояла в коридоре. Рядом с моей курткой висела Мишина толстовка, а над ней — его зелёный ключ. Я поправила кольцо, чтобы оно не соскользнуло с короткого крючка.

Ольге Вадимовне я сначала написала одно слово: «Обжалуем». Стёрла: об этом мы уже договорились.

Я набрала: «Я дома. Завтра могу приехать после десяти. Скажите, какие документы привезти для жалобы».

Ответ пришёл, пока я убирала со стола.

«В одиннадцать. Привезите всё, что осталось по поездке к отцу, и телефон с перепиской. Остальное разберём на месте».

Я поставила напоминание, нашла папку и положила её у двери. Мешка со сменкой в сумке больше не было. На его месте спокойно поместилась бутылка воды.

Глава 2. До воскресенья

Нина Павловна открыла дверь с кухонным полотенцем в руке. За её спиной Миша сидел на низкой скамейке и затягивал шнурок. Одну ногу он уже обул, другая оставалась в носке с серой пяткой.

— Мам, я сейчас.

Я подняла пакет с его толстовкой.

— Не торопись. У нас ещё автобус через двенадцать минут.

Нина Павловна не отступила от порога.

— Настя, Паша тебе не позвонил?

Телефон лежал у меня в боковом кармане. Последним сообщением от Павла было вчерашнее «я занят», отправленное в ответ на напоминание о субботе.

— Нет. Мы договаривались на десять.

— У них сегодня другие планы. Он просил пока Мишу никуда не отпускать.

Миша перестал тянуть шнурок. Я заметила у него над губой белую полоску сметаны. Из квартиры пахло сырниками; на столике у зеркала лежал новый пенал, прозрачный, с двумя отделениями. Нина Павловна умела устраивать утро так, что у всех было горячее, носки находились парами, а школьная форма не мялась на спинке стула. Когда мы ещё жили вместе, я была ей за это благодарна. Сейчас мне хотелось, чтобы она просто убрала руку с дверной ручки.

— Какие планы?

— Они собирались смотреть велосипеды. На распродаже.

— Весь день?

— Я не знаю, Настя. Я передаю, что он сказал.

Миша поставил обутую ногу на пол.

— Мы же завтра хотели.

— Значит, папа решил сегодня, — ответила Нина Павловна. — Не стой в одной туфле, разуйся пока.

Я достала телефон и набрала Павла. Он ответил после третьего гудка.

— Что случилось?

— Я приехала за Мишей.

— Мама разве не сказала?

Миша вытянул шею. Я повернулась к лестнице, отступив от двери ровно настолько, чтобы он не слышал голос из трубки.

— Мы договаривались, что сегодня он со мной.

— У него появилась возможность выбрать нормальный велосипед. Что в этом плохого?

— Ничего. После шести можешь ехать с ним выбирать.

— Настя, не командуй. Я уже договорился с человеком. У него магазин не круглосуточный.

— Ты мне об этом не написал.

— Сейчас говорю.

На лестничной клетке щёлкнула соседская дверь. Я пропустила женщину с мусорным пакетом и прижалась плечом к стене. В квартире Миша тихо спросил бабушку, надо ли убирать в рюкзак тетрадь. Она ответила, что пока не надо.

— Тогда завтра, — сказала я. — В одиннадцать забираю, в шесть привожу. Подтверди это сообщением.

— Посмотрим.

— Мне нужен ответ, Паша.

— Я тебе уже ответил. Не устраивай там представление.

Он отключился. Я ещё секунду держала телефон у уха, потом убрала в карман и вернулась к двери.

Миша успел снять туфлю. Теперь обе стояли носками к выходу, как мы с ним оставляли обувь перед утренней школой. Он посмотрел на мои руки.

— А бумагу ты взяла?

— Взяла.

Накануне он прислал мне фотографию нарисованной транспортной схемы. Остановки не помещались, потому что лист всё время загибался у середины тетради. Я обещала найти большой лист с клетками. В канцелярском магазине у суда была только миллиметровка, свёрнутая в рулон; вечером я распрямила её под разделочными досками, но сейчас она опять пыталась скрутиться в пакете.

Я вытащила листы и протянула сыну. Он подошёл вплотную к бабушке, не обуваясь, и взял их за края.

— Ого. Тут даже мелкие есть.

— Можно большие клетки считать, можно маленькие.

— Я знаю, мам.

Он провёл пальцем по оранжевой сетке. Я хотела спросить, не передумает ли он насчёт велосипеда, хочет ли всё-таки поехать ко мне. Уже набрала воздуха и остановилась. Миша смотрел то на меня, то на Нину Павловну, ожидая следующего указания.

— Толстовку тоже возьми, — сказала я. — В пакете. На улице утром холодно.

— А мост?

Мост из палочек остался на Садовой, на его столе. Мы собирались поправить опору, потом пойти смотреть, как ремонтируют трамвайные пути у рынка.

— Мост ждёт.

— До завтра?

Я посмотрела на экран, словно там уже мог появиться ответ Павла.

— Я сказала папе про завтра. Когда договоримся, скажу тебе точно.

Миша кивнул без всякого удивления. Прижал рулон под мышкой и полез ко мне обниматься через пакет. Нина Павловна придержала бумагу, чтобы она не упала, и на несколько секунд мы все трое оказались сцеплены в тесном дверном проёме.

— У тебя сметана, — сказала я.

Он вытер губу рукавом раньше, чем бабушка успела подать полотенце.

Когда Миша ушёл в комнату, я осталась у порога.

— Нина Павловна, я не буду спорить с вами при нём. Но передайте Павлу: я приехала по договорённости. В следующий раз я тоже приеду. Пусть отвечает сам, а не через вас.

Она переложила полотенце в другую руку.

— Ты думаешь, мне нравится между вами стоять?

— Тогда не стойте.

Это прозвучало грубее, чем я хотела. Нина Павловна поджала губы. Я посмотрела на скамейку, на туфли, которые уже не были нужны, и не стала искать более мягкую фразу.

На улице я открыла переписку и написала время, когда приехала, и время, которое предлагала на завтра. Сначала добавила: «Ты прекрасно знаешь, что творишь». Потом стёрла. Миша вышел на балкон вместе с бабушкой. Я подняла голову и помахала. Он помахал рулоном, и край листа загнулся от ветра.

В воскресенье Павел прислал сообщение в девять двадцать: «Сегодня не получится. Позвоню насчёт следующей недели». Я ещё не вышла из дома, но уже надела куртку. Сняла её, повесила. На кухне взяла кружку и поставила обратно, открыла шкаф — и забыла зачем.

Вера была на смене. Я написала ей и сразу пожалела, потому что она позвонила.

— Поехали к нему вечером, — сказала она. — Я освобожусь.

— И что?

— Поговорим.

— Я вчера поговорила.

— Ну, со мной он, может, по-другому поговорит.

В трубке раздался звонок другого телефона. Вера попросила подождать, кому-то коротко ответила и вернулась ко мне.

— Ты только дома не сиди весь день. Слышишь?

Я сказала, что выйду. После звонка достала из холодильника куриное филе, приготовленное на двоих, и разделила по пакетам. Одну порцию оставила на обед, остальные убрала в морозилку. Затем открыла ноутбук. Старый заказчик прислал размеры стойки для небольшого магазина: ему надо было проверить расход листового материала. Работы было на несколько часов, и за неё обещали заплатить после согласования.

На чертеже одна боковина была короче другой. Я увеличила изображение, нашла размер, написала вопрос. Ответили не сразу. Пока ждала, набрала Ольге Вадимовне сообщение про две отменённые встречи.

В пятницу мы уже начали готовить жалобу и разобрали, каких документов не хватает. Я привезла телефон, но билеты к отцу не нашла: они должны были остаться в старой электронной почте. Ольга Вадимовна попросила не откладывать поиски и дождаться полного решения, чтобы отвечать на конкретные доводы. Теперь к этой папке прибавилось ещё одно дело.

Она ответила через час: «Завтра после трёх могу принять. Принесите переписку о встречах целиком, с вашими ответами».

Я открыла календарь и передвинула звонок заказчику.

В понедельник у Ольги Вадимовны на столе лежала большая детская книжка с наклейками. Она убрала её на подоконник, освобождая место для моей папки.

— Внучку приводили, — пояснила она. — Не успела отнести.

У рыбы на обложке не хватало одного глаза. Я села и положила рядом телефон.

Ольга Вадимовна прочла сообщения, потом попросила меня назвать все встречи за последние недели. Не хорошие и плохие, а даты, время, сколько Миша действительно был со мной. Я сначала путалась. Вспоминала, какую кофту он носил, что мы ели, но не могла сказать, это было до первого сентября или после.

Она подвинула чистый лист.

— Начнём с того воскресенья, когда он оставил сменную обувь. Вы его откуда забирали?

Так оказалось проще. От воскресенья потянулась следующая дата, потом предыдущая. На середине листа я заметила, что всё время пишу карандашом, будто встречи ещё можно было перенести.

— Я хочу, чтобы было время, которое он не сможет отменять по настроению, — сказала я.

— Для этого и будем определять порядок общения. Письменно предложим понятный график. Если договориться не получится, вопрос придётся решать отдельно.

— А жалоба?

— Одно не заменяет другое. Сейчас ваша задача — не пропустить обжалование и не потерять контакт с сыном, пока оно идёт.

Я достала из сумки кошелёк. Ольга Вадимовна посмотрела на него и закрыла блокнот.

— Давайте про оплату тоже скажем прямо. Что вы можете сейчас?

Называть остаток на счёте было неприятнее, чем рассказывать о Павле. Из этой суммы ещё предстояло оплатить квартиру. Я перечислила обязательные расходы, договорённость с заказчиком и сбережения, которых не хотела касаться до зимы.

— За начатый этап вы уже внесли первую часть, — сказала она. — Остаток — по нашему договору. По порядку общения оформим отдельный объём работы и платежи. Я распишу, чтобы вы не узнавали о суммах в день заседания.

— А если я найду работу и не смогу приезжать в любое время?

— Будем договариваться заранее. Мне тоже удобнее заранее.

Я ожидала, что она скажет что-нибудь о том, насколько это важное дело, и мне станет стыдно считать. Она взяла калькулятор, уточнила дату следующего платежа за жильё и предложила график. Я записала его рядом с рабочим заказом и обвела ближайшую дату.

— Только не рассчитывайте на устное «потом как-нибудь», — добавила Ольга Вадимовна. — Ни со мной, ни с Павлом.

Уже в дверях я спросила:

— Если в следующий раз он опять скажет, что Миша занят, мне всё равно ехать?

— Смотрите на обстоятельства. Не надо создавать ребёнку сцену. Но и исчезать после каждого сообщения отца не нужно. Согласовывайте письменно, сохраняйте ответы. Препятствия будем фиксировать и решать по мере того, как они возникают.

Я надела куртку. На подоконнике рядом с книжкой лежала отклеившаяся круглая наклейка — тот самый рыбий глаз. Я машинально хотела вернуть её на обложку, но убрала руку.

Миша позвонил вечером, пока я проверяла размеры стойки.

— Мам, а можно по этим клеткам ровно сорок пять градусов делать?

Я отодвинула чертёж.

— Можно. Если в одну сторону столько же клеток, сколько в другую. Ты дорогу рисуешь?

— Развилку. У меня она всё время косая.

— Покажешь?

Он переключился на видео. Сначала я увидела люстру, потом его ухо, потом стол. Лист миллиметровки был приклеен по углам кусочками синей малярной ленты. На нём стояли карандашные кружочки остановок, а рядом лежал трамвай без зеркала. Нового велосипеда в кадре не было. Я не спросила, купили ли его.

— Вот тут, — Миша ткнул пальцем в развилку. — Только не говори, что всё переделывать.

Я положила свой лист под камеру и провела две линии. Он повторил, наклонив голову так близко, что волосы закрыли рисунок.

— Ага. Теперь понял.

— Получилось?

— Ну да.

Я услышала голос Нины Павловны: она звала его ужинать. Миша ответил, что сейчас, и не выключил камеру.

— Мам, а маленький кусочек ещё есть? Там, где ты отрезала?

Обрезок я уже собиралась выбросить. Он лежал на кухне под рекламной газетой.

— Есть. Сохраню.

— Мне для депо.

— Хорошо. Для депо.

После звонка я нашла обрезок, положила между двумя чистыми листами и убрала на Мишин стол. Потом закончила расчёт стойки. Заказчик наконец ответил: короткая боковина была ошибкой замерщика. Я поправила размер и отправила файл, прежде чем снова открыть переписку с Павлом.

В следующие дни мы согласовали короткую встречу после кружка. Она состоялась: Миша рассказал, как Тимур порвал свой маршрут и теперь хочет рисовать общий. Я передала обре-

зок для депо, и сын сразу развернул его проверить, хватит ли места. Через полчаса приехал Павел. Я не успела спросить про школьное чтение, зато узнала, что у трамвая одна ось начала скрипеть. Миша показал мне колесо, попросил пока ничего не покупать и сам положил модель в карман.

Полный текст решения пришёл от Ольги Вадимовны, когда я вернулась домой. Она написала, что получила копию и утром мы сможем обсудить доводы жалобы.

Я включила настольную лампу и скачала документ. На первой странице стояли наши имена, номер дела и дата — двенадцатое сентября. Я прокрутила страницу до первых доводов.

Глава 3. Восемь месяцев

До нужного абзаца я добралась со второй попытки. Сначала читала подряд, от фамилий и адресов, но на каждом знакомом обстоятельстве останавливалась: это было не так, это он сказал только половину, а здесь вообще речь шла о другом дне. Потом поставила рядом с ноутбуком лист и стала выписывать места, которые хотела показать Ольге Вадимовне.

На четвёртой странице было написано, что я на протяжении восьми месяцев проживала в Клинцах, осуществляя уход за отцом, а повседневную заботу о сыне в этот период нёс Павел.

Я приблизила текст. Восемь месяцев. Не недель и не дней.

Отец жил в Клину. Я была у него в феврале прошлого года, после операции, пока не смогла приехать его сестра. Уехала в воскресенье, вернулась через неделю. Миша тогда ходил в первый класс и звонил мне по вечерам показывать выпавший передний зуб. Я помнила, как он подносил рот прямо к камере, а отец из соседней комнаты просил не разговаривать так громко — ему хотелось уснуть.

Я взяла ручку и написала на листе «Клин», затем обвела название дважды. Пластик хрустнул под пальцами. Пришлось отложить ручку, пока я её не сломала.

Где-то я уже видела Клинцы.

Телефон лежал на зарядке у дивана. Я сняла его с провода, открыла переписку с Павлом и поднялась к вечеру перед заседанием. Большое сообщение. Внизу — знакомое «Не трать деньги на продолжение. Всё равно будет так».

Теперь я прочла всё, не останавливаясь на первой обидной фразе.

Там тоже были восемь месяцев и Клинцы. Дальше — про заботу, которую нёс отец ребёнка. Я положила телефон возле ноутбука и сравнила предложения по словам. После «ухода за отцом» стояла та же запятая. Я переносила взгляд с маленького экрана на большой, пока строчки не начали расплываться.

Сообщение было отправлено одиннадцатого сентября, поздним вечером. Решение объявили двенадцатого.

Я позвонила Ольге Вадимовне. Она не ответила, и я только тогда посмотрела на часы. Написала: «В решении есть текст, который Павел прислал мне накануне. Там неправда про поездку к отцу. Покажу утром». К сообщению прикрепила снимок страницы и снимок переписки. Отцу тоже написала: помнит ли он, на какие числа я тогда брала билеты.

Потом открыла электронную почту. Поиск по слову «Клин» выдал рекламу средства от плесени и пересланный отцом рецепт пирога. Билеты я искала раньше не в том ящике. Пришлось восстановить доступ к старой почте, которой я пользовалась до отдельного рабочего адреса. Код пришёл на мой номер. Я сидела с телефоном в руке и боялась пропустить эти несколько цифр, будто они тоже могли исчезнуть, если я отвлекусь.

В письмах нашёлся маршрут до Москвы, оттуда я ехала электричкой. Девятнадцатое февраля — туда, двадцать шестое — обратно. Восемь дней, если считать оба дня дороги.

Я сохранила билеты в отдельную папку. Нашла фотографии в телефоне: отцовская кухня, стул с отломанной перекладиной, который я просила его больше не использовать; пакет продуктов на табуретке; снимок Мишиной улыбки, сделанный с экрана во время звонка. На следующей фотографии после возвращения сын стоял у нас в прихожей в расстёгнутой куртке и показывал новый зубной просвет. Это было уже дома.

Отец перезвонил утром, когда я собиралась выходить.

— Ты чего ночью про билеты спрашиваешь?

— Надо уточнить даты, пап.

— Со мной что-то не так в бумагах?

Я присела на край банкетки, не застегнув второй ботинок.

— С тобой всё так. В суде написали, будто я жила у тебя восемь месяцев.

Он помолчал.

— У кого это ты восемь месяцев жила?

— У тебя. В Клинцах.

— Дожил. Уже и город мне поменяли.

Он говорил без улыбки. Я слышала, как он отодвинул стул.

— У меня выписка есть. И твоя тётя помнит, когда приехала. Давай я ей позвоню.

— Подожди. Сначала скажут, что именно нужно. Просто ничего не выбрасывай, хорошо?

— Я ничего не выбрасываю. Ты же сама ругалась на мои папки.

Я хотела рассказать ему всё про Мишу, про субботу, про то, как Нина Павловна стояла в дверях. Но отец спросил, еду ли я сейчас к адвокату, и голос у него стал слишком осторожным. Я ответила, что еду, пообещала позвонить вечером и наклонилась за шнурком.

Ольга Вадимовна попросила сначала показать сообщение на самом телефоне. Я открыла переписку. Она прокрутила вверх, посмотрела предыдущее сообщение, потом следующее и вернула аппарат мне.

— Не удаляйте ничего. Ни его сообщения, ни свои ответы. И телефон пока не меняйте без необходимости.

— Я уже всё сохранила.

— Это хорошо. Но снимок экрана и исходная переписка — не одно и то же. Нам пригодится и то и другое.

Она положила рядом два распечатанных текста. Я подвинула ей билеты.

— Вот. Восемь дней. Даже не в тот город написали.

— Вижу.

— Он знал, что будет в решении.

Ольга Вадимовна не подняла головы.

— Он прислал фрагмент, который потом оказался в решении. Давайте пока останемся на этом.

— Разве этого мало?

— Надо проверить, откуда взялся текст. Из совпадения ещё не ясно, кто у кого его взял.

Она открыла свою папку и нашла копию Павловых объяснений. Я узнала страницы по жирному подчёркиванию. В заседании Платонов ссылался на мою работу, съёмную квартиру, поездки к отцу. Я так старалась отвечать спокойно, что потом не могла вспомнить половину его вопросов.

— Он говорил, что вы подолгу отсутствовали, — сказала Ольга Вадимовна. — Но именно восемь месяцев в Клинцах мы с вами не обсуждали. Я ещё сверю материалы и запись заседания. Нужно установить, откуда это взялось и на что суд сослался.

— А если ни на что?

— Тогда так и будем писать. Недоказанное обстоятельство, неправильная оценка. Не будем заменять одну ничем не подтверждённую версию другой.

Мне хотелось спросить, не боится ли она назвать вещи своими именами. Я уже почти произнесла это, но увидела, как она пальцем прижала край билета: принтер захватил бумагу неровно, и угол закручивался.

— Я не предлагаю закрыть на это глаза, — сказала она. — Если текст пришёл от Павла или его представителя и его без проверки перенесли в решение, это одна история. Если он получил его каким-то другим путём — другая. Нам надо разбираться, а не выбирать объяснение по тому, насколько оно похоже на Павла.

Я опустила глаза на распечатку. Про себя я уже выбрала.

Ольга Вадимовна спросила, чем ещё подтверждалось моё возвращение в конце февраля. Не вообще тем, что все меня видели, а конкретно. Я вспомнила переписку по заказу для аптеки: двадцать седьмого ходила на замер, потом отправляла фотографии и исправленный расчёт. Письма остались в моём рабочем ящике, у получателя тоже должны были быть.

— Начнём с писем, которые сохранились у вас, — сказала она. — В почту фирмы не пытайтесь войти, раз доступ вам закрыли.

Я записала: билеты, фотографии, переписка по замеру. Отец мог прислать документы, если они понадобятся. Отдельно — дата сообщения Павла и совпадающий абзац.

Когда мы закончили, мне захотелось остаться ещё на минуту. Я всё поправляла билеты рядом с распечаткой, хотя Ольга Вадимовна уже записала нужные даты.

— Я сегодня к Наталье Андреевне, — сказала я, убирая папку. — Павел перестал пересылать мне сообщения из школьной группы. Я половину не знаю.

— Поговорите непосредственно с учителем. Вы мать, у вас нет запрета получать сведения о ребёнке. Если возникнет конкретное препятствие, сообщите.

Я застегнула сумку. На этот раз молния закрылась сразу.

Наталья Андреевна ждала меня после уроков. В классе пахло влажной губкой; дежурные протёрли доску и оставили под ней серые потёки. Миша сидел за третьей партой с Тимуром. Они что-то чертили в раскрытой тетради, соприкасаясь локтями.

Увидев меня, Миша сначала улыбнулся, потом быстро закрыл другую тетрадь и положил сверху учебник.

— Мам, ты за мной?

— Я к Наталье Андреевне. Ты же потом на продлёнку?

Он кивнул и повернулся к Тимуру.

Учительница сверила мой номер с тем, который был у неё записан.

— Вот здесь цифру не ту занесли. Поэтому сообщения до вас и не доходили. Сейчас исправим.

Я ожидала сложного разговора, а она просто стёрла одну цифру, попросила меня набрать её и добавила контакт заново. Телефон сразу завибрировал: пришло объявление о собрании.

— Если что-то срочное, пишите мне непосредственно, — сказала Наталья Андреевна. — Только во время урока я не отвечаю.

— Павел вам сказал про суд?

— Сказал, что Миша теперь проживает с ним.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Это не отменяет нашего с вами разговора о школе. К следующей неделе нужно дочитать рассказ, и ещё посмотрите, пожалуйста, обложку учебника по окружающему миру. Совсем разошлась.

Тимур ушёл, громко прощаясь сразу со мной и с учительницей. Миша сунул в рюкзак маршрутную тетрадь, а закрытую учебником оставил на парте.

— Эту тоже забери, — сказала Наталья Андреевна. — Закончишь задание.

— Я знаю.

Он вытянул тетрадь так, чтобы обложка оказалась снизу, и попытался засунуть между учебниками.

— Миш, что там? — спросила я.

— Ничего.

— Покажи.

Он застегнул рюкзак на одном зубце, молния заела.

— Мам, мне идти надо.

Я протянула руку. Он прижал рюкзак к животу, и Наталья Андреевна, стоявшая у своего стола, перестала перекладывать листы.

— Это работа на уроке, — сказала она. — Миша отвлёкся и не успел закончить. Ничего, чего нельзя доделать.

— Двойка? — спросила я.

— Нет.

Миша смотрел в пол. У меня ещё оставалось в пальцах движение, которым я собиралась расстегнуть его рюкзак. Я убрала руку.

— Пойдём до лестницы. Я тебя провожу.

В коридоре мы остановились у широкого подоконника. Миша сам достал тетрадь. На странице было две решённые задачи, третья не начата. Внизу красной ручкой: «Отвлекался. Закончить работу».

— Мы с Тимуром разговаривали, — сказал он. — Это не потому, что я не понял.

— Я вижу.

— Ты папе напишешь?

Я повернула тетрадь к себе.

— А что мне ему написать?

— Ну, что он не следит. Или что я из-за него.

Из открытой двери донёсся скрип стула. Кто-то из младших пробежал по коридору, держа в обеих руках пластилиновую поделку.

— Ты из-за папы разговаривал с Тимуром?

Миша посмотрел на меня с недоверием.

— Нет. Про автобус.

— Значит, про автобус.

Он пальцем загнул угол страницы.

— А папа скажет, что ты меня отвлекаешь. Ты вчера звонила, я потом не хотел уроки.

Я помнила вчерашний звонок. Он сам попросил показать, куда поставить депо, мы проговорили недолго. Но Миша стоял рядом со мной и ждал, кому из взрослых теперь достанется его недоделанная задача.

— Если я звоню, когда ты занят, можешь мне так и сказать. Я перезвоню позже. А задание всё равно твоё. Хочешь, посмотрим, что здесь надо?

— Я сам могу.

— Хорошо.

Я закрыла тетрадь и отдала. Он не сразу убрал её в рюкзак.

— Ты не будешь ругаться?

— За разговор на уроке могу поворчать. Но сейчас не буду. Только доделай, пожалуйста.

Он выдохнул и наконец освободил заевшую молнию. На лестнице я попросила разрешения поцеловать его. Миша оглянулся на дверь класса и подставил щёку с таким видом, будто делал мне одолжение.

Наталья Андреевна вышла вслед за нами и напомнила про обложку. Я записала размер учебника на обороте своего списка, рядом с билетами и датами. Миша ушёл к детям. Внизу, уже у гардероба, я услышала, как он окликнул Тимура: тот забыл линейку.

Вечером я отправила Ольге Вадимовне письма по февральскому замеру и фотографии. Затем открыла черновик жалобы, который она прислала для уточнения фактов. В том месте, где надо было проверить город и сроки, теперь стояло: Клин, восемь дней. Рядом она отдельно отметила происхождение текста, присланного Павлом накануне заседания.

Я перечитала даты ещё раз и подтвердила, что они верны. После этого ответила Наталье Андреевне: на собрание приду, новую обложку передам завтра. Сыну написала только про тетрадь.

«Закончить успел?»
Он прислал фотографию решённой задачи. В угол кадра попало колесо синего трамвая.

Глава 4. Наше место

В первое воскресенье октября Миша вышел из подъезда с рюкзаком и пакетом, в котором Нина Павловна передала контейнер с котлетами. Я узнала свою старую крышку: по краю шла трещина, заклеенная снаружи прозрачной лентой.

— Бабушка сказала, чтобы ты не готовила, — объяснил Миша.

— Спасибо ей.

Он приподнял пакет.

— Только я уже ел котлеты вчера. И позавчера.

— Значит, сегодня будет что-нибудь ещё.

Я взяла пакет, и мы пошли к остановке. Павел обещал забрать его у меня в шесть. Это время стояло в переписке, я проверила его утром, пока ждала у подъезда. Ещё раз проверила сейчас, прежде чем убрать телефон.

Миша шёл у самого края тротуара и наступал на крышки кабельных колодцев. Когда он был маленький, я всякий раз просила обходить их. Теперь он перепрыгивал через швы, и мне пришлось ускорить шаг, чтобы не отставать.

— Мы сразу к тебе? — спросил он.

— Как хочешь.

— Можно сначала к рынку? Там пути сделали. Тимур сказал, уже ездят.

До Садовой было удобнее добраться автобусом. Через рынок получался круг с пересадкой, зато у нас было почти семь часов. Я посмотрела на табло остановки и сказала, что можно.

В вагоне Миша выбрал одиночное место за кабиной. Я встала рядом, придерживая пакет коленями. Он считал остановки, сверял направление на небольшом экране, один раз поправил меня: улицу переименовали давно, а я всё ещё называла её по старому зданию универмага.

— Ты же сама говоришь, надо читать, что написано, — заметил он.

— Вот и прочла.

У рынка мы вышли посмотреть на новый поворот рельсов. Под ногами ещё лежал светлый щебень, а между плитками остались полосы песка. Миша присел возле края остановочной площадки. Я потянула его за капюшон, и он недовольно выпрямился.

— Я не на дорогу.

— Знаю. Просто я дёрнулась.

Он посмотрел на меня и снова наклонился, на этот раз держась дальше от бордюра.

— Вот здесь стук будет другой. Они стык перенесли.

Мы дождались трамвая. Он прошёл поворот, колёса коротко звякнули, и Миша сказал: «Слышала?» Я слышала только обычный шум, но попросила объяснить. Он показал мне пальцем, где раньше дребезжало, и для наглядности изобразил звук так громко, что женщина на остановке обернулась.

После рынка мы зашли в маленькое кафе, куда раньше ходили, когда я забирала его с занятий. Наш стол у окна был занят двумя мужчинами с ноутбуками. Я уже собралась предложить другое место, но Миша сам выбрал стол возле батареи.

— Тут рюкзак удобно ставить.

Он подвинул соседний стул. Я села напротив и развернула меню, хотя оба помнили его почти наизусть.

Миша заказал суп с лапшой. Я удивилась: дома он всегда вылавливал морковь и жаловался, что лапша слишком мягкая.

— Здесь вкусный, — пояснил он. — Мы с бабушкой были.

— Недавно?

— Не помню.

— После школы?

— Мам, я не помню.

Я закрыла меню. Хотела спросить, почему Нина Павловна никогда не говорит, когда они задерживаются в центре, ведь я могла бы подойти. Вместо этого спросила про Тимура. Потом — про чтение. Потом — почему он не показал мне рисунок, который делали в школе.

Миша крутил ложку. Официантка принесла суп, и я тут же напомнила, чтобы он не ел слишком горячее.

— Можно я сначала поем? — спросил он.

Я замолчала. Ложка стукнула о край тарелки. Миша наклонился и подул на лапшу, не глядя на меня.

— Можно, — сказала я. — Я что-то слишком много всего сразу.

Он осторожно попробовал суп. Я занялась своим кофе, стёрла с ручки чашки каплю и перестала подбирать следующий вопрос. За окном женщина пыталась сложить зонт, который выворачивался наизнанку. Миша увидел её, потянулся посмотреть получше и чуть не задел тарелку локтем.

— У папы такой же сломался. Он его в багажник засунул.

Я кивнула.

— А я потом достал. Там одна штука выскочила, я обратно вставил. Только папа не поверил, что он теперь нормальный.

Он сам рассказал про зонт, про Тимурову собаку, которая украла из рюкзака бутерброд, про мальчика на продлёнке, умеющего свистеть двумя пальцами. Я слушала, иногда не успевая понять, о ком речь. У сына появилась целая жизнь, которую мне приходилось узнавать по именам, случайно попадавшим в разговор.

Когда принесли счёт, Миша достал трамвай и провёл им вдоль деревянного края стола.

— Дома зеркало попробуем?

— Попробуем. Только я не обещаю, что получится как было.

— Как было уже не получится. Оно потерялось.

Он сунул модель обратно в карман и полез надевать куртку.

На Садовой Миша сначала заглянул в свою комнату. Увидел мост, снял рюкзак и оставил на полу. Потом вернулся за пакетом с котлетами, который я держала в руках, и отнёс на кухню.

— Бабушка сказала, контейнер вернуть.

— Вернём.

— Она крышку ищет от другого. Всё время этой закрывает.

Я переложила котлеты в свою миску и убрала в холодильник. Контейнер вымыла и оставила сушиться. Из комнаты уже донёсся стук: Миша высыпал на стол коробку с мелочами для моделей. Я пришла с двумя чашками и остановилась в дверях. Он сидел боком, прижав одну ногу к перекладине стула, точно так же, как в мае, когда здесь ещё лежали его школьные тетради на каждый день.

— А вот эту проволоку можно? — спросил он.

Я поставила чашки подальше от края.

— Можно. Давай сначала примерим.

Он хотел сделать зеркало из кусочка блестящей упаковки. Мы нашли подходящий обрезок, я вырезала маленький прямоугольник, а Миша забраковал его: слишком большой. Второй получился узким, третий он уронил. Мы оба полезли под стол, стукнулись плечами, и Миша рассмеялся. Я тоже, хотя ударилась довольно больно.

Упаковка лежала у ножки стула. Я отдала её сыну и выпрямилась, держась за край столешницы.

— Может, четвёртый всё-таки побольше? Его хоть найдём.

— Это будет зеркало от грузовика.

Мы оставили третий. Я придерживала проволоку, пока Миша намазывал крепление. Клей тянулся тонкой ниткой, прилипал к пальцам, попадал не туда. Чтобы конструкция не падала, пришлось подложить ластик. Потом мы занялись мостом и старались не толкать стол.

Телефон завибрировал на кухне. Я пошла ответить, оставив дверь открытой.

— Я буду в четыре, — сказал Павел.

— Ты написал, что в шесть.

— Планы поменялись.

Я посмотрела на часы. Было начало третьего.

— У нас не поменялись. Мы только пришли домой.

— Ну, я не виноват, что вы полдня где-то ходили. Я поеду мимо, заберу.

— Не надо ехать мимо. Приедешь в шесть.

Он помолчал, и я услышала у него в машине сигнал поворотника.

— Дай Мише трубку.

— Зачем?

— С сыном поговорить. Или теперь мне разрешение нужно?

Я принесла телефон в комнату. Миша сидел, упершись подбородком в сложенные ладони, и смотрел на сохнущее зеркало.

— Папа.

Он взял телефон. Я вернулась на кухню, но через открытую дверь слышала его ответы: «Нет», «Ели», «Не знаю», «Мы делаем».

Через минуту Миша принёс мне аппарат.

— Он в четыре приедет.

— Мы договаривались на шесть.

— Он сказал, ему потом неудобно.

Я едва не ответила: «А мне удобно?» Миша стоял передо мной в одних носках и ждал моего ответа отцу. Я убрала телефон.

— Сейчас продолжим. Я с папой сама поговорю.

Павел больше не отвечал. На моё сообщение прислал только: «Не устраивай ребёнку нервотрёпку».

Я положила телефон в ящик и пошла к Мише. Мост удалось выровнять: под одной опорой не хватало тонкой прокладки. С зеркалом было хуже. Стоило убрать ластик, как проволока наклонилась. Миша попробовал удержать её ногтем, клей отстал сразу с двух сторон.

— Давай ещё раз, — сказала я.

— Уже не успеет.

— Можно оставить сохнуть.

Он накрыл трамвай ладонью.

— Я его возьму.

— Конечно. Тогда в другой раз попробуем.

Миша соскоблил остаток клея. Зеркало положил в пустую коробочку из-под кнопок, закрыл крышкой и подвинул к стене. Я подписала на маленьком кусочке бумаги «трамвай», чтобы не выбросить при уборке. Сын проверил, плотно ли закрыта коробка.

Павел приехал без десяти четыре. Позвонил в домофон, потом в дверь. Миша как раз мыл руки, пытаясь снять клей с большого пальца.

— Мы ещё не собрались, — сказала я, не открывая дверь полностью.

— Собирайтесь.

— Паша, это не разговор. Ты подтвердил время. Я не могу каждый раз отменять всё, потому что ты передумал.

Он посмотрел за моё плечо.

— Миш, ты готов?

Из ванной донеслось: «Сейчас».

Я не отступила. Павел понизил голос:

— Ты опять начинаешь при ребёнке?

Миша вышел с мокрыми рукавами. Увидел нас, остановился и спросил, где рюкзак. Я достала его из комнаты. Павел забрал пакет с контейнером, не поблагодарив, и остался на площадке ждать, пока сын обуется.

Миша обнял меня уже в куртке. Под его ладонью хрустнул в моём кармане скомканный чек из кафе.

— Мост не трогай, — попросил он. — Он теперь ровный.

— Не буду.

— И коробочку.

Я кивнула и поцеловала его в щёку. Руки у него всё ещё пахли клеем.

Когда они ушли, я записала Ольге Вадимовне, во сколько приехал Павел, и отправила ей переписку с согласованным временем. Затем собрала со стола мелкие обрезки. Коробочку с зеркалом оставила там, где её поставил Миша.

Апелляцию рассмотрели в начале ноября. К тому времени мы уже подали документы по порядку общения. Некоторые встречи получались, другие Павел переносил, и я больше не могла отмечать их в календаре одной уверенной чертой. Ольга Вадимовна попросила складывать сведения отдельно, чтобы не смешивать разные вопросы в одну папку.

В новом зале было три судейских кресла. Я ждала, что увижу хотя бы одно знакомое лицо, и одновременно боялась увидеть. Люди за столом смотрели в материалы, задавали вопросы Ольге Вадимовне и Платонову. Павел сидел рядом со своим представителем и на меня не смотрел.

Когда речь дошла до поездки, Ольга Вадимовна назвала обе даты и город. Потом обратила внимание на сообщение, отправленное накануне объявления решения. Я держала телефон выключенным в сумке: всё, что было нужно для рассмотрения, мы подготовили заранее.

Платонов сказал, что позиция его доверителя не ограничивалась одним эпизодом. Начал перечислять школу, привычный быт, помощь бабушки. Я смотрела на его лист и думала об июньской поездке на море, из которой сын вернулся уже не ко мне. Вслух ответила на заданный вопрос: до поездки Миша жил со мной, а после Павел отказался его передавать.

Меня выслушали. Потом задали другой вопрос.

Ольга Вадимовна положила ладонь на край моего блокнота, когда я снова открыла рот. Я сжала ручку и дождалась, пока мне позволят дополнить ответ. Ничего от этого не стало легче. Я говорила всё ту же простую вещь, а вокруг неё лежали месяцы, документы, оценки и свидетельства о том, что сын уже привык жить у отца.

После перерыва нам объявили: Миша по-прежнему будет жить с Павлом.

В коридоре я спросила:

— Даже Клинцы?

— Нет. Этот довод признали неподтверждённым. На нём больше не основываются, — сказала Ольга Вадимовна. — Но общий вывод сохранили по другим обстоятельствам.

— По тем, которые он сам создал?

— Ася, я слышала, что вы сказали. Мы это указывали.

Я вдруг поняла, что держу её за рукав. Отпустила, разгладила пальцами смявшуюся ткань и извинилась.

Павел вышел вместе с Платоновым. Они остановились у лестницы, о чём-то негромко поговорили. Я не знала, кто что думал в этом зале и почему одни обстоятельства оказались

важнее других. Мне хотелось, чтобы неверные восемь месяцев, однажды вычеркнутые, потянули за собой всё остальное. Они не потянули.

Дома я открыла морозилку и вытащила пакет с котлетами. Они смерзлись, разделить не получилось. Я убрала пакет обратно и поставила греть суп. Потом села за стол, не сняв пальто. На телефоне было два пропущенных от Веры. Я написала результат и попросила пока не звонить.

Суп выкипел через край. Я поднялась, выключила плиту и стала вытирать пену. Тряпка была слишком мокрой, только разносила жир по поверхности. Пришлось сполоснуть её, отжать и начать заново.

Когда позвонил Павел, плита уже была чистой.

— Нам надо решить ещё один вопрос, — сказал он.

Я прижала телефон плечом, развешивая полотенце.

— Какой?

— «Мерка». Ты там не работаешь, но доля висит. Я готов её выкупить. Нормально, без очередного цирка.

— Пришли предложение.

— Лучше встретимся. Я всё объясню.

— Сначала пришли, что предлагаешь.

Он вздохнул.

— Ты хотя бы этот вопрос можешь решить спокойно?

Я прошла в Мишину комнату. Коробочка с неудавшимся зеркалом стояла на столе у стены, где он её оставил. Я подвинула к столу стул и села.

— Я тебя слушаю, Паша. Что именно ты предлагаешь?

Глава 5. Рабочий день

Сергей Петрович положил передо мной чертёж и подвинул карандаш с обгрызенным концом.

— Вот этот заказ. Стойки для магазина. Посмотрите, чего не хватает, чтобы посчитать.

Я сняла с карандаша прилипшую стружку ластика. За тонкой перегородкой работал станок, и отдельные слова приходилось угадывать по губам. Жаров заметил, как я наклонила голову, встал и прикрыл дверь.

— К обеду закончат. Потом будет тише.

На плане стояли размеры секций, толщина материала и цвет покрытия. Не было указано, где должны находиться отверстия для проводов, а на одном виде дверцы открывались в проход, на другом — внутрь.

— Это окончательное расположение? — спросила я.

— Заказчик говорит, что да.

— Тогда надо уточнить вот здесь. Продавец к кассе не подойдёт, если эту дверь открыть.

Сергей Петрович провёл пальцем по схеме.

— Угу. Ещё?

Я посмотрела на полки. Внешняя ширина секции была указана правильно, но на раскрое длина внутренней полки совпадала с ней, без вычета боковин. Я отметила строку.

— Тут не войдёт.

— Увидели. Хорошо. Дальше считайте по исправленным размерам. Прайс на компьютере, папка справа. Только старый не откройте, он ниже.

Жаров ушёл в цех. Я осталась за чужим столом, на котором монитор стоял слишком низко, а мышь двигалась только на узкой полоске между клавиатурой и стопкой накладных. Над головой висел календарь с прошлогодней фотографией команды. На нём ещё был октябрь.

Я перевернула лист на ноябрь и сразу остановилась: мне не поручали хозяйничать на столе. Вернула календарь как было. Потом всё-таки оставила ноябрь, потому что ошибаться в датах было хуже.

Ночью я почти не спала. Павел наконец прислал время встречи по доле, затем начал выяснять, зачем мне очередное заседание о встречах с сыном. В час ночи я перестала отвечать, но телефон лежал рядом, и каждый раз, когда экран загорался от случайного уведомления, я открывала глаза.

Смета помогала держать внимание. У детали были длина, ширина, назначение; если где-то не сходилось, можно было найти конкретную строку. Я вычла толщину боковин, проверила количество секций, добавила крепёж. На направляющих задержалась: в старой привычной таблице «Мерки» они учитывались поштучно, здесь в прайсе стоял комплект. Я исправила единицу, отвлеклась на вопрос вошедшего мастера и перешла к следующей позиции.

Когда Жаров вернулся, я уже распечатывала расчёт.

— Ну как?

— Нужно подтвердить открывание и проход для проводов. Остальное предварительно есть.

Он взял лист. Я смотрела на экран и вдруг увидела, что в строке направляющих количество осталось прежним. Вместо деталей я посчитала столько же комплектов. Сумма была завышена.

— Подождите. Я ошиблась.

Он опустил бумагу.

Я показала строку, объяснила и исправила её. Потом вернулась к началу, проверяя остальные единицы. Сергей Петрович стоял рядом, не помогал и не говорил, что со всеми бывает. Мне пришлось выдержать эти несколько минут в тишине.

— Теперь можно, — сказала я и отправила на печать второй лист.

— Первый порвите, — ответил он. — А то кто-нибудь его в работу возьмёт.

Я разорвала старый расчёт пополам, затем ещё раз. Жаров просмотрел исправленный, задал вопросы про остатки материала и позвал мастера сверить открывание. Спорили они недолго. Заказчику нужно было звонить, потому что оба варианта на присланном плане были неудобными.

Когда мастер вышел, Жаров спросил, как быстро я могу приступить.

— Хоть завтра.

— Завтра у нас суббота.

Я знала, что пятница. Утром даже проверила, успею ли перед работой внести очередной платёж адвокату. Но сейчас день недели пришлось вспомнить заново.

— С понедельника, — сказала я.

Он сел напротив.

— Давайте без героизма. Мы небольшая фирма, здесь никто не сидит ночами ради красивого отчёта. Мне нужен человек, который будет отвечать за расчёт и скажет, если не успевает. Сегодняшнюю работу оплатим. На постоянную обсудим условия с оформлением, не на словах.

Я кивнула.

— У меня бывают судебные заседания. Я буду предупреждать, когда получаю дату.

— Часто?

— Сейчас не могу сказать точно. По ребёнку.

Жаров покрутил в пальцах мой карандаш.

— По семейным обстоятельствам тоже надо понимать график. Я не могу обещать, что любую задачу сдвину. Но заранее договориться обычно можно.

Он не спросил, кто виноват, и не начал рассказывать, как его знакомый развёлся. Мы обсудили часы, объём работы, испытательный срок. Зарплата была обычной для такой должности — меньше того, что я привыкла считать семейным доходом, но за неё не требовалось объяснять, зачем мне новые ботинки или почему я купила сыну вторую тетрадь.

На проходной я долго искала в сумке перчатки. Наконец нашла обе в одном рукаве и вышла на улицу. От цехов до остановки шла узкая дорожка, заставленная машинами. Я повернулась боком между двумя зеркалами, посмотрела на часы и прибавила шагу: до автобуса оставалось три минуты.

Дома я сложила на стол договор аренды, квитанции и записанный у Ольги Вадимовны график оплаты. Сбережения ещё оставались. Но я всё чаще открывала банковское приложение перед покупкой, которую раньше совершала не задумываясь, и считала, сколько месяцев смогу оплачивать квартиру, если заказы так и будут приходить урывками.

Я могла снять жильё поменьше. Эта мысль появлялась каждый раз, когда приходил срок платежа. Потом я смотрела на Мишину комнату и на договор, который мы с хозяйкой заключили надолго. Переезд не был только вопросом разницы в цене. Здесь сын знал дорогу, держал свои вещи и не спрашивал, где можно поставить рюкзак.

Я убрала договор в папку. На понедельник приготовила контейнер для обеда. Крышка к нему подошла только со второй попытки: за последние месяцы у меня накопились чужие, собственные, оставшиеся после Вериных приездов. Нинину треснувшую я давно вернула, вымытую, в отдельном пакете.

Позвонил Миша.

— Ты работу нашла?

— Нашла. В понедельник начну.

— Там тоже мебель?

— Прилавки, стойки. Почти как раньше.

Он некоторое время молчал. На заднем плане работал телевизор, кто-то смеялся слишком громко.

— А если я к тебе днём приеду, тебя не будет?

Я закрыла крышку контейнера.

— Когда у нас будет встреча, мы договоримся, как я тебя заберу. Работа не значит, что я исчезну до ночи.

— Но ты раньше могла.

— Не всегда. Помнишь, я иногда за компьютером сидела, а ты рядом делал уроки?

— Ты говорила «ещё пять минут», а потом долго.

— Было такое.

Он не торопился продолжать. Я удержалась от обещания, что теперь всё будет иначе.

— Что ты сейчас делаешь? — спросила я.

— Закладку ищу. Она между листами провалилась.

— Возьми другую.

— Там отмечено, до куда читать. Если новую, я не помню.

Мы вспоминали, где заканчивался рассказ. Миша пересказал сцену своими словами, путая имя одного героя, и я узнала место. Он зашелестел страницами, нашёл и сообщил, что старая закладка была совсем рядом, прилипла к сгибу.

— Ты мне в воскресенье позвонишь? — спросил он перед тем, как отключиться.

— Позвоню вечером. После ужина удобно?

— Только не когда фильм.

Я попросила написать время фильма, и он прислал фотографию программы с неровно обведённым временем. Я сохранила её, как сохраняла теперь многое, но эта картинка была нужна только мне.

В понедельник я отработала первый полный день в «Линии». Получила свой стол, разобрала папки с действующими заказами, несколько раз переспросила, где лежат согласованные чертежи, и не стала делать вид, что мне с первого взгляда понятна чужая система. К вечеру в сумке пахло древесной пылью, хотя в цех я заходила ненадолго.

С Павлом мы встретились в среду после работы. Он предложил приехать в «Мерку». Я сначала хотела отказаться, затем спросила, будет ли кто-нибудь ещё. Он ответил, что разговор между нами.

У входа всё оставалось прежним, кроме таблички на дверях. Под названием компании теперь была новая строка про комплексное оснащение магазинов. Эту формулировку мы обсуждали ещё зимой. Я тогда предложила убрать слово «комплексное», потому что часть оборудования мы не производили. Павел сказал, что я всё понимаю слишком буквально.

Он встретил меня в маленькой переговорной. На столе стояла вода и лежала папка. Мою прежнюю кружку с зелёной полосой кто-то использовал для маркеров на подоконнике.

— Чай будешь?

— Нет, спасибо.

— Ты с работы?

Я поставила сумку у стула.

— Да.

— Какой?

— Я пришла обсудить долю.

Павел откинулся на спинку, посмотрел на меня и открыл папку.

— Хорошо. Вот расчёт. Нормальное предложение, без ожидания, пока что-то продадим и когда-нибудь получим прибыль.

Он положил передо мной лист. Мои сорок процентов оценивались в восемь миллионов четыреста тысяч рублей. Следующей строкой стояли юридические и консультационные расходы — два миллиона четыреста тысяч. К выплате оставалось шесть миллионов.

Я прочла названия строк ещё раз.

— Что это за расходы?

— Из-за всех твоих разбирательств. Представители, консультации, сопровождение. Ты же не думала, что оно бесплатно?

— Твои представители. Почему ты вычитаешь их из цены моей доли?

— Потому что я предлагаю закончить всё целиком. Я потратился, ты получишь живые деньги. Надо учитывать обе стороны.

— Это мне суд присудил?

— Не надо цепляться к словам.

Я перевернула лист. Обратная сторона была чистой. Ни перечня услуг, ни дат, ни названий получателей.

— Кто оценивал долю?

— Я подготовил расчёт по компании.

— Мне нужны основания этой оценки. И отдельно расшифровка того, что ты предлагаешь удержать.

Он придвинул ко мне бутылку воды.

— Настя, шесть миллионов — это не на неделю. Можешь нормально устроиться, не бегать по мелким конторам. Ты ведь этого хотела: самостоятельно жить.

Я не открыла бутылку. Посмотрела на его руку. От часов на запястье остался светлый след. Павел снял их перед разговором и положил рядом с папкой.

— Ты можешь просто сказать, за что именно заплатил?

— Я тебе написал.

Он ткнул пальцем в общую строку.

В «Мерке» он никогда не принимал такие расчёты от подрядчиков. Я помнила, как однажды поставщик крепежа привёз не ту фурнитуру, потому что наш менеджер отправил старую спецификацию. Павел всё равно потребовал скидку за сорванный срок, а мне велел найти в переписке место, где поставщик мог заметить несоответствие. Мы нашли. Менеджер остался при своём, поставщик потерял деньги. Я тогда сказала только, что новые накладные надо исправить.

Сейчас передо мной лежала одна строка на сумму, которую предлагалось принять без вопросов.

— Договоры, акты, платежи, — сказала я. — Что входит в эти два миллиона четыреста тысяч?

— Ты не на проверке.

— Я должна понимать расчёт, под которым ты хочешь мою подпись.

Он выровнял край папки по столу.

— Пока я хочу понять, будешь ты разговаривать или опять всё превратишь в проблему.

— Буду. Поэтому и прошу документы.

Павел посмотрел на часы, лежащие рядом с папкой. Я не знала, сколько времени он отвёл на то, чтобы я согласилась. За окном из цеха выходили люди, один придержал дверь ногой, пока другой выносил длинную узкую панель.

— У компании должны быть понятные перспективы, — сказал Павел. — Я не собираюсь бесконечно держать деньги под твои настроения.

— Тогда пришли предложение письменно. С расчётом оценки и расходов. Я посмотрю.

— Ты копию можешь забрать.

Я сложила лист по уже намеченному сгибу. Он позволил, не стал забирать. Когда я поднялась, Павел тоже встал и потянулся к дверной ручке.

— И не надо это обсуждать при Мише.

Я задержалась у стула.

— Я не собиралась.

— Просто напоминаю. У тебя всё в одну кучу.

Я взяла сумку. На выходе знакомая дверь в производственный отдел осталась закрытой. Весной я ещё приходила сюда каждый день, знала, какие заказы задерживаются, где не хватает материала и кому нужно перезвонить. Сейчас у меня не было даже действующего рабочего доступа. Сорок процентов при этом никуда не делись, сколько бы Павел ни называл их моей помехой.

Дома я достала лист и положила рядом с собственными расходами на ближайший месяц. Шесть миллионов хотелось увидеть на счёте. От этого желания не помогало ни возмущение, ни знание Павловых привычек. Я могла бы перестать бояться каждого платёжного дня.

Но за общей строкой расходов по-прежнему не было никакой расшифровки.

Я открыла новое письмо. Перечислила документы, которые попросила на встрече, затем добавила вопрос: какие суммы из указанных расходов уже оплачены и кем. Прочла, убрала лишнее «пожалуйста» в середине и отправила Павлу.

После этого переслала копию расчёта Ольге Вадимовне. На завтра у меня была работа, которую надо было закончить до звонка заказчика. Я поставила будильник и убрала ноутбук со стола, оставив бумагу рядом с папкой.

Глава 6. Только расчёт

Ольга Вадимовна прочла Павлово предложение, не делая пометок. Потом перевернула страницу, как я на встрече, и посмотрела на пустую оборотную сторону.

— Это всё?

— Пока всё. Я попросила расшифровку.

— Правильно. И сразу отделим: эти расходы не стали вашим долгом оттого, что он поставил их в расчёт. Вы обсуждаете условия продажи доли. Он предлагает вычет, вы можете с ним не согласиться.

Я подвинула к ней телефон с отправленным письмом.

— Я хочу сначала понять, что он туда включил.

Она прочла перечень документов.

— Здесь вы спрашиваете нормально. По оценке самой доли тоже потребуется отдельная проверка. Я не буду изображать специалиста по стоимости мебельного производства.

— Меня сейчас даже не оценка удивила. Он бы такую строку никогда ни у кого не принял.

— А от вас хочет, чтобы приняли.

Я кивнула. С вечера мне не давала покоя привычная Павлова последовательность: сначала назвать крупную сумму, потом объяснить, почему я должна благодарить за ту, что остаётся. В семейных расходах это работало годами. Даже если я начинала спорить, к концу разговора уже доказывала, что умею обходиться меньшим.

— Если я сразу скажу «нет», он больше ничего не покажет, — сказала я. — А если будет ждать подпись, начнёт объяснять. Хотя бы ради своих денег.

Ольга Вадимовна положила лист на стол.

— Что именно вы хотите сделать?

— Согласиться обсуждать. Не соглашаться на вычет, а обсуждать. Пусть пришлёт всё, чем его обосновывает.

— Это обычная проверка условий. В ней нет ничего предосудительного.

— Только он решит, что я перестала с ним бороться.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Вы собираетесь ему это обещать?

— Нет.

— Тогда и обсуждайте только расчёт. Никаких обещаний прекратить семейные дела или подписать то, чего ещё не видели. Он может сделать удобный ему вывод, но ссылаться на ваши слова не должен.

Я потянула к себе расчёт и провела ногтем по сгибу.

— А если он всё-таки что-то покупал? Тогда, в сентябре?

— Мы не знаем, за что эти деньги. У нас есть вопрос о происхождении текста и неподтверждённая сумма в переговорах. Не надо сейчас писать ему обвинение и требовать признаться.

— Я не собираюсь.

— Пусть присылает документы, сохраняйте письма целиком. Только не пытайтесь достать недостающее через чужую почту или телефон. Мишу тоже не расспрашивайте о бумагах на папином столе.

Я подняла голову.

— Мишу я не стану просить.

Она кивнула, больше к этому не возвращалась. Мы разобрали мой ответ Павлу. Ольга Вадимовна убрала из него обещание быстро закончить переговоры: я сама не заметила, как написала «после получения документов смогу принять решение в ближайшие дни».

— Возможно, не сможете, — сказала она. — Или документы будут неполными. Не назначайте себе срок раньше, чем увидите предмет.

В конце встречи мы перешли к общению с сыном. Я достала другую папку. На этот раз в ней лежали уже не только отменённые встречи: отдельное дело о порядке общения завершилось, и у нас появился определённый график.

Ольга Вадимовна проверила вместе со мной формулировки. По средам — после школы до восьми вечера. Вторые и четвёртые выходные каждого месяца — с десяти утра субботы до шести вечера воскресенья. Летом — четырнадцать дней, которые предстояло заранее распределить по графику.

— Вторые и четвёртые, — повторила я. — Не через выходные от первого раза.

— Да. Смотрите на каждый месяц отдельно.

Я открыла календарь и начала отмечать дни. В следующем месяце выходило не так, как я по привычке посчитала в голове. Пришлось стереть одну отметку и поставить другую.

— Если он скажет, что у него в эту среду дела?

— Сам по себе такой ответ порядок не меняет. Вы сообщаете мне о препятствии, сохраняете обстоятельства, будем заниматься исполнением. Не надо снова ждать несколько месяцев, пока он передумает.

— Я не хочу, чтобы Миша каждый раз видел ссору у школы.

— Я тоже. Поэтому взрослые договорённости и обращения делаем отдельно от него. А в момент передачи говорим коротко и по существу.

Я закрыла календарь. Восемь вечера, два выходных, летние дни. В этом было много меньше того, чего я хотела. Но теперь я могла сказать сыну, в какую среду приду, не добавляя сразу: «Если папа разрешит».

Павел позвонил на следующий день после моего письма.

— Вот теперь нормально, — сказал он вместо приветствия. — Я же говорил, что можно без войны.

Я вышла из рабочего кабинета в коридор. В соседнем помещении разгружали коробки с фурнитурой, и мне пришлось прижать телефон плотнее к уху.

— Я готова обсуждать цену после проверки расчёта.

— Да, я всё прочёл. Подготовят, пришлю. Ты сейчас в какой-то мастерской?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.